СПОЕМТЕ, ДРУЗЬЯ!

«ТВ» НЕДЕЛИ

Есть во фронтовом архиве моем одна дорогая сердцу фотография. На ней автоматчики, только что вышедшие из разведки, и артисты нашего оркестра. Рядом с боевым оружием — музыкальные инструменты.

Вспомнилось это фото по радостному поводу: Центральное телевидение показало большую, емкую, умную картину о старом друге и соратнике по песне, о великом — да простится мне эпитет этот — песеннике нашем Василии Павловиче Соловьеве-Седом.

Вообще, как мне кажется, делать музыкальные фильмы, где звучат такие дорогие и такие знакомые всем нам мелодии,— трудное и порой неблагодарное дело. Очень уж легко сбиться на умиленность и иллюстративность. К счастью, молодой режиссер Алексей Симонов упрямо и последовательно занимается именно музыкальным фильмом. В рассказе о Соловьеве-Седом пришла к нему настоящая удача.

Постараюсь объяснить. Не скрою, усаживаясь перед телеэкраном, пуще всего боялся я эдакого «юбилейного» славословия, общих, стертых слов. Вышло все иначе. Прежде всего, в фильме, где звучат песни, созданные в предвоенные и военные годы, есть какая-то подкупающая сегодняшняя, современная интонация. Может быть, потому, что поют эти песни молодые люди — и Валерий Золотухин, и Эдуард Хиль, и Владимир Заманский, и Валентин Никулин, и совсем уж юные певцы-любители. Поют не так, наверное, как пелось, как слышалось нам, поют по-своему, но **увлеченно, радостно, смело...**

Это же просто счастье и для композитора, и для поэта, и для первого исполнителя, когда песня не покрывается музейной пылью, не покоится в запасниках, а живет, продолжается, звучит!

Звучит и озорная «Тальяночка», и «Песня о Ленинграде», и «Ехал товарищ Буденный»... И бессмертные «Соловьи».

А когда камера стала разглядывать — пристально, внимательно, неторопливо — людей в зрительном зале, когда увидел я, как дрогнули губы у седого генерала и как зашептала, повторяя про себя, слова «Вечера на рейде» совсем юная девчушка-ленинградка; когда ворвалась на экран фронтовая хроника и пошли солдаты по дорогам Великой Отечественной, еще ближе, дороже стала мне вся работа Соловьева-Седого. Какими же сокровищами мы владеем!

Режиссер — молодой человек, не видевший войны. Но в бережном и тонком отборе материала, в благоговении перед памятью увидел я проявление настоящей, не показной верности отцовскому подвигу, отцовскому делу, отцовской песне.

Не знаю уж, хитрил ли режиссер вместе с оператором, расставлял ли разные «скрытые камеры», да это и не столь важно. Только есть во всем облике композитора какая-то особая естественность, раскованность, словно на наших глазах творит он, спорит, радуется, сердится.

Хочется, чтобы картину эту не отодвинули, как порой бывает, на какую-нибудь дальнюю полку в фильмохранилище, чтобы за лентой о создателе «Подмосковных вечеров» последовали музыкальные монографии о многих, многих еще моих товарищах по искусству.

А пока смахнем невесть откуда взявшуюся слезу и — споемте, споемте, друзья!

Леонид УТЕСОВ.

7 ИЮЛ 1974